

О ДИЛЕММЕ БЕЗОПАСНОСТИ И УГРОЗАХ ЭСКАЛАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ И ШВЕЦИИ К НАТО

Константин БОГДАНОВ, Дмитрий СТЕФАНОВИЧ
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН

Аннотация: Целью статьи является исследование тенденций в сфере военной безопасности на «северном фланге» противостояния России и коллективного Запада. Актуальность данной работы обусловлена дальнейшим расширением НАТО на Восток, выразившимся в присоединении Финляндии и Швеции к альянсу и, соответственно, формированием новых угроз. В условиях продолжения вооруженного конфликта высокой интенсивности в середине Европы действия НАТО можно рассматривать как часть мероприятий по навязыванию Российской Федерации издержек и растягиванию периметра ее потенциалов сдерживания. В статье также рассматривается проблема материализации воспринимаемых угроз в виде практических шагов в области военного строительства, ведущих к «воронке эскалации», а также предлагаются направления возможной минимизации негативных последствий действий со стороны Североатлантического альянса для национальной и международной безопасности. При выработке мер реагирования предлагается учитывать ограниченность ресурсов, в первую очередь мобилизационных и военно-технических (в настоящее время более необходимых для выполнения задач специальной военной операции), а также купировать угрозы эскалации при формировании предпосылок для интенсивной реализации дилеммы безопасности.

Ключевые слова: военное строительство, дилемма безопасности, эскалация, расширение НАТО, нестратегическое ядерное оружие, украинский конфликт

Константин Вадимович Богданов – кандидат технических наук, заведующий Сектором стратегического анализа и прогноза, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-5922-0791. E-mail: cbogdanov@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Дмитрий Викторович Стефанович – научный сотрудник Сектора военной экономики и инноваций, Центр международной безопасности, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

ORCID: 0000-0002-8694-8040, E-mail: stefanovich@imemo.ru
117997, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23.

Поступила в редакцию: 10.08.2024

Принята к публикации: 02.09.2024

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарность. Статья подготовлена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития № 075-15-2024-551 «Глобальные и региональные центры силы в формирующемся мироустройстве».

Введение

После начала СВО в феврале 2022 г. вновь активизировался процесс расширения НАТО: по состоянию на лето 2024 г. к альянсу присоединились Швеция и Финляндия, что значительно удлинило линию непосредственного контакта между Российской Федерацией и территориями стран альянса. Представляется целесообразным глубокое научно-обоснованное изучение военно-технического и военно-стратегического измерений рассматриваемой проблемы. В рамках данного исследования использован системно-исторический подход с элементами научного прогнозирования, а также метод экспертных оценок. Применение сравнительного анализа к изменениям военно-политической ситуации на северном фланге НАТО в ходе и после холодной войны позволяет подчеркнуть сходства и установить различия с предыдущим периодом обострения отношений в Европе (1940-е – 1980-е гг.).

Северный фланг: каркас и тренды

Исключительное военно-стратегическое значение северного фланга, под которым авторами предлагается понимать условный участок соприкосновения Российской Федерации и стран так называемого коллективного Запада от Балтийского моря до Северного полюса, исследовалось и подчеркивалось на Западе на протяжении десятилетий, причем интерес не снижался ни во время холодной войны, ни после ее окончания (Bitzinger, 1989; Nieminen, 1991; Børresen, 2011; Dyndal, 2011; Cameron, 2024). Российская исследовательская традиция также проявляла четко определенный интерес к северному флангу как к региону с особой проблематикой в разрезе безопасности и военно-стратегического значения (Голошубов, 1974; Воронов, 1997; Северная Европа, 2008; Грибанова & Косов, 2018; Загорский, 2019). Обострение отношений с НАТО и включение Швеции и Финляндии в состав альянса актуализировало поиск гражданскими (Гудев, 2023; Маркушина, 2023; Чеков и др., 2023) и военными (Морозов и др., 2022) специалистами новых оценок характера угроз безопасности России на северном фланге.

Ядерное измерение присутствовало в регионе с момента возникновения противостояния НАТО и Организации Варшавского договора (ОВД). Например, Норвегия на протяжении всей холодной войны отказывалась от размещения американского ядерного оружия на своей территории; однако в тот период вопрос размещения данного вида вооружений ставился по-другому – на что бы это повлияло при ведении советских операций против противолодочных сил США, которые там все-таки находились? В этом же ракурсе следует рассматривать и многолетнюю амбивалентную политику Норвегии в двухтрековой концепции «сдерживание – убеждение» (англ. *"deterrence – reassurance"*), согласно которой укрепление потенциала сдерживания через членство в НАТО не должно превращать страну в плацдарм для подготовки нападения на СССР (Holst, 1966).

Северная Европа регулярно попадала между молотом и наковальней стратегического мышления противостоящих лагерей. Исследуя возможные операции в большой войне НАТО и ОВД, многие западные специалисты приходили к выводу о том, что СССР, даже не имея прямой задачи взятия под контроль стран Скандинавии, может пойти на их захват (главным образом, северной Норвегии и зоны Датских проливов) с целью повысить устойчивость операций Северного и Балтийского флотов, а также действий сухопутных войск и авиации в северной Германии (см., например, Sullivan, 1979; Terry, 1988).

В советской военной мысли сложившаяся ситуация ставила вопрос: пойдет ли НАТО на упреждающее усиление северного фланга путем доразвертывания сил в Норвегии и ввода их в Швецию? Подобная вероятность существовала (хотя бы в виде регулярно высказываемых озабоченностей потенциальным советским продвижением в Скандинавии), и она должна была вызывать соответствующее внимание советских органов военного управления с точки зрения выработки мер противодействия. Ориентация же советской военной мысли после Великой Отечественной войны на упреждение превосходящего противника неуклонно сохранялась в течение всей холодной войны в качестве стержневой военно-стратегической концепции (см., например, Кокошин, 1995; История военной стратегии России, 2000; Гриневский, 2004).

Этот пример демонстрирует длительное историческое существование на североевропейском театре военных действий эскалационных детонаторов даже не на политическом, а на оперативно-стратегическом уровне. Значение этого факта возрастает всякий раз, когда уровень военно-политического противоборства в Евроатлантическом регионе накаляется до опасного предела. В текущих условиях при вхождении в состав НАТО Швеции и Финляндии стимулы к упреждающим действиям на театре могут вырасти еще больше, а цена неверной интерпретации действий оппонента возрасти.

Возможное целеполагание НАТО

Авторы полагают, что на данный момент основным намерением НАТО при укреплении северного фланга является не создание непосредственных военных угроз России, а ее провоцирование на реактивное поведение в виде вынужденной затраты материальных, политических, кадровых и управленческих ресурсов путем минимальных соответствующих затрат со стороны Запада. Целью таких провоцирующих действий может быть «растяжение» оборонительного периметра, отвлечение и «распыление» российских сил на второстепенные направления. Это вполне может восприниматься руководством альянса в качестве продуктивного результата стратегии перенапряжения в условиях установки Запада на продолжение затяжных боевых действий в ходе украинского конфликта.

Вероятным ходом в этой стратегии для НАТО может стать развертывание высокоточных ракетных систем средней дальности (в т.ч. гиперзвуковых) в неядерном оснащении, что создаст существенный потенциал

разоружающего удара¹ в отношении объектов на северо-западе России. Такое развитие событий может привести к усилению акцента на нестратегическое ядерное оружие в российском региональном сдерживании, что уже в дальнейшем может привести и к появлению в регионе американского тактического ядерного оружия. Это, в свою очередь, может привести к новому витку эскалации в ходе реализации Россией вынужденных контрмер, направленных на купирование этой угрозы в плотно соприкасающихся и сравнительно ограниченных районах базирования своих вооруженных сил в регионе.

Заметим, что если в холодную войну Норвегия не разрешала развертывать ядерное оружие на своей территории, то позиция новых членов НАТО в этом отношении на данный момент куда более уклончива. Шведское правительство прямо заявило, что «в военное время» готово рассмотреть вопрос о развертывании на своей территории американского ядерного оружия². В Финляндии указали на то, что страна будет участвовать в Группе ядерного планирования НАТО, но необходимости в размещении ядерного оружия на территории Финляндии нет³. Однако после 2022 г. в стране начались дискуссии о необходимости «рекалибровать» многолетнюю национальную политику, носившую откровенно антиядерный и разоруженческий характер, на более «нюансированную» (см., например, Pesu & Juntunen, 2023).

Таким образом, ядерный фактор на северном фланге играет роль в первую очередь в связи с общим повышением роли нестратегического ядерного оружия как сдерживающего средства России против НАТО. Вместе с тем следует отметить, что географически плотное взаимное размещение региональных потенциалов уже сейчас создает опасное переплетение со стратегическими ядерными силами (СЯС) России, чей морской компонент и часть инфраструктуры раннего предупреждения о ракетном нападении базируется в регионе.

Этим ситуация отличается от противостояния на границе двух Германий в ходе холодной войны, где ядерное оружие театра военных действий было с географической и оперативной точек зрения отделено от проблематики стратегического применения ядерного оружия, поскольку районы базирования соответствующих сил были существенно разнесены в пространстве. При этом по сравнению с периодом холодной войны на текущем этапе угрозы могут восприниматься российской стороной как более выраженные в силу куда

---

¹ Разоружающим ударом именуется упреждающее нанесение массированного удара по военным объектам противника с целью максимально сократить его наступательный потенциал и тем самым ограничить масштабы ответных действий. Понятие чаще всего применяется при анализе сценариев в ядерной стратегии и оценке устойчивости ядерного сдерживания.

² Szumski C. (2024) Swedish PM Open to Hosting Nuclear Weapons on Home Soil in Case of War. *Euractiv*, May 14. Available at: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/swedish-pm-open-to-hosting-nuclear-weapons-on-home-soil-in-case-of-war/> (accessed 31 August 2024).

³ *Finland and NATO – FAQ* (2024) Finland Abroad. Available at: <https://finlandabroad.fi/web/nato/frequently-asked-questions#Will%20NATO%20membership%20bring%20nuclear%20weapons%20or%20NATO%20bases%20to%20Finland?> (accessed 31 August 2024).

менее благоприятного баланса по силам общего назначения, сдвига границ линии соприкосновения на северном фланге на Восток и ее существенного удлинения за счет включения в состав НАТО Швеции и Финляндии.

Карта угроз

Наиболее чувствительные угрозы могут быть созданы в отношении Северного флота ВМФ России, являющегося не только наиболее сильным по корабельному составу как в части надводных, так и подводных сил, но и включающего в себя значительную долю морской составляющей стратегических ядерных сил (Ведерников, 2005; Вызовы и угрозы, 2017: 19–24). На Северном флоте базируются носители новейшего гиперзвукового оружия (фрегаты проекта 22350). Кроме того, в регионе находятся значительные мощности военного кораблестроения и судоремонта. Помимо этого Северный флот ВМФ России обеспечивает безопасность на Северном морском пути, превращающемся во все более важную транспортную артерию глобального значения.

Северо-западный регион России – место развёртывания двух ключевых радиолокационных станций (РЛС) системы предупреждения о ракетном нападении (под Оленегорском и в Печоре). Особое стратегическое значение этих РЛС обусловлено географией театра и характером предполагаемого способа ведения боевых действий в условиях применения стратегических ядерных сил. Арктический регион (с уклоном в северо-западное направление) находится в точности под проекцией основной массы траекторий ракет при нанесении стратегических ударов с территории США. При этом Норвежское и Северное моря считаются вероятными районами скрытого развёртывания американских стратегических лодок-ракетоносцев⁴ при подготовке к нанесению удара крылатыми и баллистическими ракетами с коротким подлетным временем⁵. В этих условиях значение региональных станций предупреждения, чьи сектора развернуты в северном и северо-западном направлении, крайне велико. Внимание к предотвращению этих сценариев показывает, например, история «норвежского ракетного инцидента» января 1995 г., спровоцировавшего тревогу на высшем уровне военно-политического руководства России (Pry, 1999: 214–227).

⁴ Расчет соответствующих схем применения см.: в (Gronlund, Wright, 1992). Из последних сообщений можно отметить совместные учения в Норвежском море летом 2024 г., в которых участвовала американская лодка-ракетоносец *Tennessee* и самолет связи и боевого управления ядерными силами *E-6B*. См. Trevithick J. (2024) U.S. Ballistic Missile Submarine, 'Doomsday Plane' Take Part In Rare Show Of Force Off Norway. *The War Zone*, June 25. Available at: <https://www.twz.com/air/u-s-ballistic-missile-submarine-doomsday-plane-take-part-in-rare-show-of-force-off-norway> (accessed 31 August 2024).

⁵ Временем от старта до поражения цели. Для иллюстрации: межконтинентальная баллистическая ракета, запущенная с территории США, достигает Московского промышленно-административного района примерно через 25–30 минут после старта, в то время как баллистическая ракета, запущенная с подводной лодки из района Норвежского моря, делает это примерно за 10–12 минут.

В регионе находятся объекты, играющие незаменимую роль в реализации программ развития ракетного, космического, противоракетного и противокосмического оружия, такие как космодром Плесецк и полигон Чижма, что делает их приоритетными целями для разведывательной активности вероятного противника, которая будет только нарастать.

В условиях значительного обострения отношений между Россией и так называемым коллективным Западом, а также резкого увеличения протяженности линий потенциального боевого соприкосновения старые угрозы со стороны НАТО на северном фланге способны обрести новое качество. Например, Финляндия обладает национальным потенциалом «конвенционального сдерживания» в сфере высокоточного оружия большой дальности как крылатыми ракетами (*JASSM*), так и тактическими баллистическими (*ATACMS*), а также противокорабельными ракетами (*Gabriel-V*). Не исключены и поставки более совершенного оружия – американского или иного производства. Дополнительную угрозу представляют и ударные самолеты *F-35A*. В свою очередь Швеция демонстрирует готовность предоставлять национальную территорию для пролетов и базирования американских бомбардировщиков-ракетоносцев⁶.

Дополнительные угрозы также создаются на Балтике. Российский Балтийский флот традиционно находится в уязвимой позиции, которая дополнительно усугубляется активными инвестициями стран НАТО в береговые ракетные комплексы, в первую очередь Эстонии (сингапурско-израильский комплекс *Blue Spear*) и Польши (норвежская система *Naval Strike Missile*). В настоящее время на вооружении Швеции и Финляндии имеются шведские противокорабельные ракеты малой дальности семейства *RBS-15*, в т.ч. в варианте берегового базирования. Можно также предположить в недалеком будущем запуск совместных программ по их модернизации. В подобной ситуации под непосредственной угрозой оказываются Санкт-Петербург и Калининградская область. При этом одновременно с различных направлений под ударом может оказаться паромная линия, соединяющая основную территорию России с калининградским полуэксклавом, а также воздушные транспортные коридоры над Балтикой.

Относительно уязвимая с географической точки зрения позиция России в Балтийско-Арктическом регионе стимулирует агрессивную риторику со стороны приграничных стран-членов НАТО⁷, что, в свою очередь, может

⁶ *Swedish Armed Forces* (2024) 'US bombers over central Stockholm and Uppsala', 6 March. Available at: <https://www.forsvarsmakten.se/en/news/2024/03/us-bombers-over-central-stockholm-and-uppsala/> (accessed 31 August 2024); Stefano D'Urso (2024) 'U.S. B-1B Bombers Arrive In Sweden For Bomber Task Force 24-2', *The Aviationist*, 26 February 26. Available at: <https://theaviationist.com/2024/02/26/u-s-b-1b-bombers-arrive-in-sweden-for-bomber-task-force-24-2/> (accessed 31 August 2024).

⁷ Так, например, генерал Мартин Херем (на тот момент – командующий Силами обороны Эстонии), в 2022–2024 гг. неоднократно заявлял в прессе о наличии у НАТО возможности блокировать российскую часть Балтийского моря и о том, что в ряде случаев это должно быть сделано. Подобный же тезис был включен им в официальное издание Министерства обороны Эстонии. См.: *Estonian Defense Forces Annual Review 2023*. P. 4. Available at: https://issuu.com/sodur/docs/annual_review_23 (accessed 31 August 2024).

привести к непреднамеренной или случайной эскалации из-за повышенной чувствительности вопроса о нормальном функционировании Калининградской области как субъекта Российской Федерации.

Неоднозначна и роль Белоруссии как ближайшего военного союзника России, занимающего важное стратегическое положение в контексте развертывания сил на западном направлении, в том числе при обеспечении военной безопасности Калининградской области. С одной стороны, встраивание страны в единую оборонительную систему Союзного государства позволяет отвести вперед передовые рубежи развертывания. С другой – вооруженные силы Республики Беларусь в настоящее время не обладают достаточной мощностью, укомплектованностью и мобилизационным потенциалом, что в условиях полномасштабного вооруженного конфликта потребует привлечение российских вооруженных сил для нужд обороны территории союзника.

Имеет значение в ситуации и фактор региональной противоракетной обороны (ПРО). Завершено развертывание объекта *Aegis Ashore* в Редзиково (Польша), и, с учетом активного обсуждения создания интегрированной системы ПВО/ПРО в Европе (*IAMDS*), возможно появление ее новых эшелонов. Влияние американской системы ПРО на потенциал ответного удара российских СЯС остается ограниченным и весьма сомнительным (Стерлин, Протасов & Крейдин, 2019), однако в любом случае это ведет к необходимости выделять дополнительный наряд сил и средств на поражение и этих объектов.

Все страны региона потенциально могут стать площадками для размещения американских ракет средней дальности, хотя в настоящее время соответствующих дискуссий не ведется. При этом повторенное решение в июле 2024 г. о развертывании соответствующих вооружений в Германии начиная с 2026 г.⁸ также не сопровождалось особыми дискуссиями.⁹

Следует отметить, что НАТО открыто заявляет о базировании «сдерживания и обороны» на трех основных и двух дополнительных элементах: «надлежащем сочетании ядерных и обычных сил и средств, а также сил и средств противоракетной обороны, дополненных космическими и кибернетическими средствами»¹⁰.

С учетом относительно небольших расстояний между странами любая эскалация может включать в себя активный обмен ударами с применением средств воздушно-космического нападения на всю глубину вовлеченных участников. При этом именно развертывание ракетного вооружения представляет особую эскалационную угрозу само по себе (Богданов & Стефанович, 2022).

⁸ *The White House* (2024) Joint Statement from United States and Germany on Long-Range Fires Deployment in Germany, 10 July. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2024/07/10/joint-statement-from-united-states-and-germany-on-long-range-fires-deployment-in-germany/> (accessed 31 August 2024).

⁹ Напомним, что оно впервые было публично сделано еще в 2021 г., то есть до начала острой фазы украинского кризиса, а на саммите 2024 г. было лишь конкретизировано по этапам и срокам.

¹⁰ *NATO* (2024) Washington Summit Declaration. Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed 31 August 2024).

Ядерный фактор в ландшафте севера Европы

Наращивание военных угроз на западном направлении имеет связь с ядерной сферой. С одной стороны, подобным образом создается потенциал подрыва устойчивости российских стратегических ядерных сил как через возможность упреждающего удара¹¹, так и через насыщение региона средствами ПВО/ПРО. В таких условиях возможна корректировка российской ядерной доктрины со смещением приоритета с ответно-встречного на упреждающий удар¹².

Кроме того, количественное, а по ряду направлений и качественное превосходство объединенных сил НАТО (Boston et al., 2018; Ознобицев & Богданов, 2019b: 658) поднимает рост значимости для России нестратегического ядерного оружия в случае прямого военного столкновения с Западом. При этом повышении роли ядерного компонента в задачах стратегического сдерживания в условиях задействования значительной части сил общего назначения и повышенного расхода стратегического неядерного высокоточного оружия в боевых действиях на Украине не является неожиданностью.

Ядерный компонент следует рассматривать как фактор сдерживания, а не непосредственных боевых действий. Применение ядерного оружия на поле боя сопряжено с серьезными последствиями в части усложнения операций собственных войск, перехода на более высокие ступени эскалации вплоть до полномасштабного обмена стратегическими ударами, а также политическими последствиям в сфере отношений с третьими странами¹³.

Перспективы развития ситуации

Наблюдается тенденция к дальнейшей эскалации военно-политического противостояния в Северной Европе. Растущая конфронтация материализуется на наших глазах в виде выстраивания многоуровневых оборонительных структур вдоль всей новой линии соприкосновения. После завершения Специальной военной операции России на Украине и достижения Россией

¹¹ Упреждающим ударом называется схема применения вооруженных сил, при которой они упреждают противника в его планах напасть первым (пусть даже эти планы существуют только в виде предположения).

¹² Подобная оценка уже делалась бывшим начальником главного штаба РВСН В.И. Есиным, см.: Одноколенко О. (2018) Генерал-полковник Виктор Есин: «Если американцы все-таки начнут разворачивать свои ракеты в Европе, нам ничего не останется, как отказаться от доктрины ответно-встречного удара и перейти к доктрине упреждающего удара». *Звезда*, 8 ноября. Available at: <https://zvezdaweekly.ru/news/2018117102-0iaAI.html> (дата обращения: 31.08.2024). Уже в ходе СВО президент России В. Путин высказывался о возможности рассмотреть подобные доктринальные изменения: *Президент России* (2022) Пресс-конференция по итогам визита в Киргизию, 09.12.2022. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/70061> (дата обращения: 31.08.2024), хотя позднее он отметил, что в таких действиях пока нет необходимости, см. *Президент России* (2024) Ответы на вопросы российских журналистов, 20.05.2024. Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/74357> (дата обращения: 31.08.2024).

¹³ Подробнее см.: Аналитический доклад ИМЭМО РАН «Ядерный фактор в украинском конфликте» (2022) Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/analiticheskiy-doklad-imemo-ran-yaderniy-faktor-v-ukrainskom-konflikte> (дата обращения: 31.08.2024).

поставленных задач будут сформированы новые границы (или хотя бы «линии разделения»), на основе которых даже без формального их признания может вестись военное планирование и в России, и в НАТО.

Это открыто утверждается и в НАТО: в июле 2024 г. командующий вооруженными силами Альянса генерал К. Каволи прямо заявил, что в будущем «будет ситуация, когда Россия восстанавливает свои силы, находится на границах НАТО, возглавляется в основном теми же людьми, что и сейчас, убеждена, что мы являемся противником, и очень, очень зла»¹⁴.

В определенном смысле эта реакция уже наблюдается. Так, Россия пошла на разделение Западного военного округа на Московский и Ленинградский, при этом первый явно ориентирован на выполнение задач сдерживания на западном направлении, а второй – на интересующем нас северном фланге.

На сегодняшний день в противостоянии России и возглавляемой США коалиции наблюдается цикл действий и реагирования в военно-технической сфере, который, не исключено, далек от достижения пика. Уже сейчас перед нами ярчайший пример дилеммы безопасности: любые действия одной из сторон по укреплению собственной безопасности другой стороной воспринимаются как угроза уже ее безопасности. Соответственно, любые действия сторон необходимо оценивать не только с точки зрения эффективности купирования имеющихся угроз, но также в свете оптимального реагирования на угрозы, возникающие или условно предчувствуемые (в т.ч. те из них, что являются мнимыми или возникли в результате ошибочной оценки обстановки и намерений оппонента).

Эскалационный потенциал возможного военно-политического обострения на северном фланге в фазе активного противоборства сторон оценивается авторами как чрезвычайно высокий, причем в сравнении с временами холодной войны он только вырос. Таким образом, управление военно-стратегическим балансом возможностей (потенциалов) и угроз в регионе превращается для противоборствующих сторон в деликатную задачу, опасность просчетов в которой является высокой. С одной стороны, обе стороны видят необходимость обеспечить эффективное сдерживание оппонента и надежную защиту критически важных участков территории, военных объектов, сил и средств исключительного значения. С другой стороны, при принятии подобных мер необходимо жестко придерживаться принципов реалистичной соразмерности, оставляя пространство для деэскалации эксцессов и подавая четко воспринимаемый сопредельной стороной сигнал об ограниченном (политическом) характере взаимного маневрирования потенциалами.

¹⁴ Garamone J. (2024) NATO Nations Face Challenges to Defend the Alliance, Cavoli Says. *U.S. Department of Defense*, July 18. Available at: <https://www.defense.gov/News/News-Stories/Article/Article/3843391/nato-nations-face-challenges-to-defend-the-alliance-cavoli-says/> (accessed 31 August 2024).

Географико-логистический фактор и характер развертывания стратегически значимых сил и средств делает проблему более остро воспринимаемой для России, но это одновременно означает, что последствия возможной гиперреакции со стороны России будут носить дестабилизирующий характер уже для НАТО. В регионе складываются основания для «пробуждения» дилеммы безопасности, прежде находившейся в «дремлющем» состоянии.

При этом высокая нагрузка на вооруженные силы России, вовлеченные в активное проведение СВО, потребует выверенной системы приоритетов и точного балансирования ресурсов между задачами усиления украинского направления и укрепления сдерживания на северном фланге в зоне соприкосновения с НАТО. С учетом очевидной ориентации НАТО на сценарий с перенапряжением Россией сил продуктивно выглядит опора на потенциалы регионального сдерживания без втягивания в симметричную гонку сил и средств, с отказом от навязываемой Западом затратной эскалации на второстепенном (в настоящее время) направлении. В этом смысле оптимальное решение могло бы лежать в области контрбалансирования фактических угроз, формирующихся в Балто-Арктическом регионе вследствие присоединения Швеции и Финляндии к НАТО, за счет потенциалов, которые либо не задействованы непосредственно в проведении СВО, либо могут легко использоваться на обоих направлениях там при постоянном базировании в северо-западном регионе.

Дополнительно следует отметить, что взаимное сдерживание исключительно на основе наращивания своего оборонительного потенциала не ведет и не может вести к формированию устойчивой архитектуры безопасности. Таким образом, важнейшей задачей остается формирование «надстройки» в виде мер снижения рисков, доверия и безопасности, а в перспективе и восстановления полноценной системы контроля над вооружениями в Европе (Ознобищев & Богданов, 2019а).

Список литературы

1. Богданов К.В., Стефанович Д.В. (2022) Мировое ракетное распространение: вызовы и решения. *Общественные науки и современность* (2): 63–77. DOI: 10.31857/S0869049922020058.
2. Ведерников Ю.В. (2005) *Сравнительный анализ создания и развития морских стратегических ядерных сил СССР и США*. Владивосток: Искусство.
3. Воронов К.В. (1997) Россия в североатлантическом регионе: цена сближения. *Мировая экономика и международные отношения* (7): 28–49. DOI: 10.20542/0131-2227-1997-7-28-39.
4. Голошубов Ю.И. (1974) *Скандинавия и проблемы послевоенной Европы*. Москва: Мысль.
5. Грибанова Г.И., Косов Ю.В. (2018) Политика НАТО на Балтике — цели и приоритеты. *Балтийский регион* 10(1): 56–72. DOI: 10.5922/2074-9848-2018-1-4.
6. Гриневский О.А. (2004) *Перелом. От Брежнева к Горбачеву*. Москва: Олма-медиа.
7. Гудев П.А. (2023) Свобода судоходства на Балтике (Риски и вызовы для Российской Федерации). *Современная Европа* 7: 98–110. DOI: 10.31857/S0201708323070082.

8. Дерябин Ю.С., Антюшиной Н.М. (ред.) (2008) *Северная Европа. Регион нового развития*. Москва: Весь Мир.
9. Загорский А.В. (2019) *Безопасность в Арктике*. Москва: ИМЭМО РАН.
10. Золотарев В.А. (ред.) (2000) *История военной стратегии России*. Москва: Кучково поле.
11. Кокошин А.А. (1995) *Армия и политика. Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль, 1918–1991 годы*. Москва: «Международные отношения».
12. Маркушина Н.Ю. (2023) *Меняющиеся контуры безопасности и баланс сил в Балтийском регионе: значение для России*. Рабочая тетрадь РСМД № 76/2023. Москва: РСМД.
13. Морозов А.В., Зубарев А.А., Хряпов А.Д. (2022) Современные вызовы военной безопасности Российской Федерации в Арктике. *Военная мысль* (12): 6–11.
14. Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2019a) Высокоточное оружие большой дальности в Европе: проблемы ограничения и контроля. *Мировая экономика и международные отношения* 63(9): 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13.
15. Ознобищев С.К., Богданов К.В. (2019b) НАТО и Россия: есть ли признаки стабилизации отношений? В: *Ежегодник СИПРИ 2018: Вооружения, разоружение и международная безопасность*. Москва: ИМЭМО РАН, с. 652–664.
16. Селин В.С., Скуфына Т.П. (ред.) (2017) *Вызовы и угрозы национальной безопасности в Российской Арктике*. Апатиты: Кольский научный центр РАН.
17. Стерлин А.Е., Протасов А.А., Крейдин С.В. (2019) Современные трансформации концепций и силовых инструментов стратегического сдерживания. *Военная мысль* (8): 7–16.
18. Стефанович Д.В. (2021) Вечно сегодняшние. *Россия в глобальной политике* 19(6): 61–74. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-61-74.
19. Чеков А.Д., Воротников В.В., Чечевишников А.Л., Якутова У.В. (2023) Последствия вступления Финляндии и Швеции в НАТО для национальной безопасности России. *Мировая экономика и международные отношения* 67(10): 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29.
20. Bitzinger R. (1989) *Denmark, Norway, and NATO: Constraints and Challenges*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
21. Børresen J. (2011) Alliance Naval Strategies and Norway in the Final Years of the Cold War. *Naval War College Review* 64(2): 97–116.
22. Boston S., Johnson M., Beauchamp Mustafaga N., Crane Y. (2018) *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe: Implications for Countering Russian Local Superiority*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
23. Cameron J. (2024) Deterrence, Reassurance and Strategic Stability: The Enduring Relevance of Johan Jørgen Holst. *Journal of Strategic Studies* 47(3): 363–386. DOI: 10.1080/01402390.2024.2321135.
24. Dyndal G. (2011) How the High North became Central in NATO Strategy: Revelations from the NATO Archives. *Journal of Strategic Studies* 34(4): 557–585. DOI: 10.1080/01402390.2011.561094.
25. Gronlund L., Wright D. (1992) Depressed trajectory SLBMs: A technical evaluation and arms control possibilities. *Science & Global Security* 3(1–2): 101–159.
26. Holst J. (1966) Norwegian Security Policy: The Strategic Context. *Cooperation and Conflict* 1(4): 64–79.
27. Nieminen T. (1991) *Flank or Front? An Assessment of Military-Political Developments in the High North*. Helsinki: War College.
28. Pesu M., Juntunen T. (2023) *Finland in a Nuclear Alliance. Recalibrating the Dual-Track Mindset on Deterrence and Arms Control*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs.
29. Pry P. (1999) *War scare: Russia and America on the Nuclear Brink*. New York: Praeger.
30. Sullivan W. (1979) Soviet Strategy and NATO's Northern Flank. *Naval War College Review* 32(4): 26–38.

31. Terry J. (1988) *A-10 Operations and the Battle for North Norway*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.

* *Распоряжением Министерства юстиции Российской Федерации № 1618-р от 06.12.2023 в соответствии с решением Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 21.11.2023 RAND Corporation (США) включена в перечень иностранных и международных неправительственных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации.*

Comparative Politics. Volume 15. No. 3. July–September / 2024
DOI 10.46272/2221-3279-2024-3-15-4

ON THE SECURITY DILEMMA AND THREATS OF ESCALATION IN THE CONTEXT OF FINLAND'S AND SWEDEN'S JOINING TO NATO

Dr. Konstantin V. BOGDANOV – Head of Section of Strategic Analysis and Forecasting, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO RAS).

ORCID: 0000-0002-5922-0791, E-mail: cbogdanov@imemo.ru.
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Dmitry V. STEFANOVICH – Research Fellow, Section of Military Economy and Innovations, Center for International Security, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations

ORCID: 0000-0002-8694-8040, E-mail: stefanovich@imemo.ru.
23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russia, 117997.

Received August 10, 2024

Accepted September 2, 2024

Abstract: The aim of the article is to study the military security trends on the 'northern flank' of the confrontation between Russia and the collective West. The relevance of this work is due to the further expansion of NATO to the East, expressed in the accession of Finland and Sweden to the alliance and, accordingly, the creation of new threats. In the conditions of continuing high-intensity armed conflict in the middle of Europe, NATO's actions can be seen as part of the measures to impose costs on the Russian Federation and stretch the perimeter of its deterrence capabilities. The article also considers the problem of materialisation of perceived threats in the form of practical steps in the field of military development leading to an 'escalation vortex', and suggests directions of possible negative consequences minimisation for national and international security because of NATO actions. For response measures, it is proposed to take into account the limited (primarily mobilisation and military-technical) resources (currently more crucial to fulfill the tasks of the Special Military Operation), as well as to limit escalation threats under the situation of intensive security dilemma implementation.

Keywords: military buildup, security dilemma, escalation, NATO enlargement, non-strategic nuclear weapons, Ukrainian conflict

Acknowledgements. This article was prepared with the support of a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for major scientific projects in priority areas of scientific and technological development No. 075-15-2024-551 "Global and regional centers of power in the emerging world order".

References:

1. Bitzinger R. (1989) *Denmark, Norway, and NATO: Constraints and Challenges*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.
2. Bogdanov K.V., Stefanovich D.V. (2022) Mirovoe raketnoe rasprostranenie: vyzovy i resheniia. [World Missile Proliferation: Challenges and Solutions] *Obshchestvennyye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Contemporary World]* (2): 63–77. DOI 10.31857/S0869049922020058. (In Russian).
3. Børresen J. (2011) Alliance Naval Strategies and Norway in the Final Years of the Cold War. *Naval War College Review* 64(2): 97–116.
4. Boston S., Johnson M., Beauchamp Mustafaga N., Crane Y. (2018) *Assessing the Conventional Force Imbalance in Europe: Implications for Countering Russian Local Superiority*. Santa Monica, CA: RAND Corporation*.
5. Cameron J. (2024) Deterrence, Reassurance and Strategic Stability: The Enduring Relevance of Johan Jørgen Holst. *Journal of Strategic Studies* 47(3): 363–386. DOI: 10.1080/01402390.2024.2321135.
6. Chekov A.D., Vorotnikov V.V., Chechevishnikov F.L., Yakutova U.V. (2023) Posledstviya vstupleniya Finlandii i Shvetsii d NATO dlya natsionalnoy bezopasnosti Rossii. [Finland and Sweden Joining NATO: Consequences for Russia's National Security] *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 67(10): 19–29. DOI: 10.20542/0131-2227-2023-67-10-19-29. (In Russian).
7. Deryabin Yu.S., Antyushina N.M. (eds.) (2008) *Severnaya Evropa. Region novogo razvitiya [Northern Europe. Region of the New Development]*. Moscow: Ves' Mir. (In Russian).
8. Dyndal G. (2011) How the High North became Central in NATO Strategy: Revelations from the NATO Archives. *Journal of Strategic Studies* 34(4): 557–585. DOI: 10.1080/01402390.2011.561094.
9. Goloshubov Yu.I. (1974) *Skandinavia i problemy poslevoennoii Evropy [Scandinavia and the Problems of Post-war Europe]*. Moscow: Mysl. (In Russian).
10. Gribanova G.I., Kosov Yu.V. (2018) Politika NATO na Baltike – tseli i priority. [NATO Baltic Policy: Goals and Priorities] *Baltiiskiy region [The Baltic Region]* 10(1): 56–72. DOI: 10.5922/2074-9848-2018-1-4. (In Russian).
11. Grinevskii O.A. (2004) *Perelom. Ot Brezhneva k Gorbachevu. [The Breakdown: From Brezhnev to Gorbachev]* Moscow: Olma-media. (In Russian).
12. Gronlund L., Wright D. (1992) Depressed trajectory SLBMs: A technical evaluation and arms control possibilities. *Science & Global Security* 3(1–2): 101–159.
13. Gudev P.A. (2023) Svoboda sudokhodstva na Baltike (Riski i vyzovy dlya Rossiiskoi Federatsii). [Freedom of Navigation in the Baltics (Risks and Challenges for Russian Federation)] *Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe]* 7:98–110. DOI: 10.31857/S0201708323070082. (In Russian).
14. Holst J. (1966) Norwegian Security Policy: The Strategic Context. *Cooperation and Conflict* 1(4): 64–79.
15. Kokoshin A.A. (1995) *Armiia i politika. Sovetskaia voenno-politicheskaia i voenno-strategicheskaia mysl', 1918–1991 gody. [The Army and the Politics. Soviet Politico-Military and Strategic Thought, 1918–1991]* Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia. (In Russian).

16. Markushina N.Yu. (2023) *Menyayuschiesya kontury bezopasnosti i balans sil v Baltiiskom regione: znachenie dlya Rossii [The Changing Security Configuration and Balance of Power in the Baltic Region: Implications for Russia]*. RIAC Working Paper No. 76/2023. Moscow: RIAC.
17. Morozov A.V., Zubarev A.A., Khryapov A.D. (2022) *Sovremennye vyzovy voennoi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii v Arktike [The Recent Challenges to Military Security of Russian Federation in the Arctic]*. *Voennaia mysl' [Military Thought]* (8): 6–11. (In Russian).
18. Nieminen T. (1991) *Flank or Front? An Assessment of Military–Political Developments in the High North*. Helsinki: War College.
19. Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2019a) *Vysokotochnoe oruzhie bol'shoi dal'nosti v Evrope: problemy ogranicheniia i kontroliia. [Precision–Guided Long–Range Weapons in Europe: Problems of Limitation and Control]* *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* 63(9): 5–13. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-5-13. (In Russian).
20. Oznobishchev S.K., Bogdanov K.V. (2019b) *NATO i Rossiia: est' li priznaki stabilizatsii otnoshenii? [NATO–Russia Relations: Any Signs of Stabilization?]* In: *Ezhegodnik SIPRI 2018: Vooruzheniia, razoruzhenie i mezhdunarodnaia bezopasnost' [SIPRI Yearbook 2018: Armaments, Disarmament and International Security]*. Moscow: IMEMO RAS, pp. 652–664. (In Russian).
21. Pesu M., Juntunen T. (2023) *Finland in a Nuclear Alliance. Recalibrating the Dual-Track Mindset on Deterrence and Arms Control*. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs.
22. Pry P. (1999) *War scare: Russia and America on the Nuclear Brink*. New York: Praeger.
23. Selin V.S., Skuf'ina T.P. (eds.) (2017) *Vyzovy i ugrozy natsionalnoi bezopasnosti v Rossiiskoi Arktike [National Security in Russian Arctic: Challenges and Threats]*. Apatity: Kola Scientific Center of RAS. (In Russian).
24. Stefanovich D.V. (2021) *Vechno segodniashnie. [Always Today's]* *Rossiia v globalnoi politike [Russia in Global Affairs]* 19(6): 61–74. DOI: 10.31278/1810-6439-2021-19-6-61-74. (In Russian).
25. Sterlin A.E., Protasov A.A., Kreidin S.V. (2019) *Sovremennye transformatsii kontseptssii i silovykh instrumentov strategicheskogo sderzhivaniia. [Current Transformations in the Concepts and Force Tools of Strategic Deterrence]* *Voennaia mysl' [Military Thought]* (8): 7–16. (In Russian).
26. Sullivan W. (1979) *Soviet Strategy and NATO's Northern Flank*. *Naval War College Review* 32(4): 26–38.
27. Terry J. (1988) *A-10 Operations and the Battle for North Norway*. Santa-Monica, CA: RAND Corporation*.
28. Vedernikov Yu.V. (2005) *Sravnitelnyi analiz sozdaniya i razvitiya morskikh strategicheskikh yadernykh sil SSSR i Ssha [A Comparative Analysis of Development of Naval Strategic Nuclear forces of the U.S.S.R and U.S.A]* Vladivostok: Iskusstvo. (In Russian).
29. Voronov K.V. (1997) *Rossiia v severoatlanticheskom regione: tsena sblizheniia. [Russia in the North Atlantic Region: the Price of Rapprochement]* *Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia [World Economy and International Relations]* (7): 28–39. DOI: 10.20542/0131-2227-1997-7-28-39. (In Russian).
30. Zagorsky A.V. (2019) *Bezopasnost' v Arktike [The Arctic Security]*. Moscow: IMEMO RAN. (In Russian).
31. Zolotarev V.A. (ed.) (2000) *Istoriia voennoi strategii Rossii. [History of Russian Military Strategy]*. Moscow: Kuchkovo pole. (In Russian).

* By Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 1618-r from December 6, 2023 in accordance with the decision of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation from November 21, 2023 RAND Corporation (USA) is included in the list of foreign and international non-governmental organizations whose activities are recognized as undesirable on the territory of the Russian Federation.